

УДК 811.161.1'373.231

Динамические процессы в антропонимии периферийного города в условиях функционального дуализма границы

Галковская Ю.М.
*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

В свете современных антропоцентрических, когнитивных и динамических направлений в лингвистике все большую актуальность обретают работы, отражающие региональную специфику языковых единиц. В связи с этим исследование автохтонных личных имен представляется особо актуальным.

Статья посвящена выявлению основных тенденций развития женского именника периферийного приграничного города во второй половине XX в. Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении г. Браслава за 1951–1960 гг., 1971–1980 гг., 1991–2000 гг., собранные на трех хронологических срезах с интервалом в 10 лет (1662 единицы). Устанавливаются количественные параметры системы женских личных имен на разных контрольных срезах, определяются особенности ее трансформации, осуществляется компаративный анализ качественно-количественных показателей антропонимикона г. Браслава по отношению к антропонимии других белорусских городов. Делается вывод, что наиболее ярко региональная специфика женского именника г. Браслава проявляется в периферийной его части, где зафиксированы значительные вкрапления номинативных единиц, характерных для польской, латышской, еврейской и других антропонимических систем.

Ключевые слова: приграничье, периферия, антропонимикон, личное имя, динамика, номинация.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 170–176)

Dynamic processes in the anthroponimy of the provincial town in the functional dualism of the border

Galkovskaya Y.M.
*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

From the standpoint of modern anthropocentric, cognitive and dynamic trends in linguistics the works illustrated regional specificity of language units take on special significance. In this connection the study of the local personal names is of current importance.

The article is devoted to the revelation of the main tendencies in the development of the female provincial anthroponimicon in the late XXth century. The material of the research is based on the civil birth certificates of the population in Braslav during the periods of 1951–1960, 1971–1980, 1991–2000, gathered at 3 chronological lines 10 years apart (1662 units). Quantitative parameters of the female anthroponomical system at different time cuts are ascertained, the peculiarities of its transformation are defined, a comparative analysis of the quantitative and qualitative indices of Braslav anthroponimicon is accomplished with regard to the anthroponimy of other Belarusian towns. It's concluded that regional specificity of female anthroponimicon in Braslav lies in its field part where considerable impregnations of foreign (Polish, Lettish, Jewish and other) anthroponimical units have been found.

Key words: border zone, provinces, anthroponimicon, personal name, dynamics, nominative practice.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 170–176)

Адрес для корреспонденции: e-mail: yulya_galkovskaya@mail.ru – Ю.М. Галковская

Конвергентные процессы рубежа XX–XXI вв., являющиеся результатом такого общественного феномена, как глобализация, во многом определили современные направления лингвистических исследований. С одной стороны, актуальным становится определение общих языковых тенденций и явлений в условиях инициации транснационального диалога, с другой – перспективность обретают региональные исследования, целью которых является изучение влияния лингвокультурного пространства на языковое сознание и ментальность носителя языка и репрезентация локальных особенностей языковой системы.

Как часть лексики антропонимы играют особую роль в формировании языковой картины мира, поскольку «образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена» [1, с. 5]. Несмотря на то, что вопросы региональной ономастики привлекают внимание все большего числа ученых (Е.Л. Березович, А.С. Щербак, Л.И. Дмитриева, А.К. Матвеев, И.А. Королева, И.В. Данилова, С.А.

Попов, А.М. Мезенко, А.И. Ященко, Т.В. Скребнева, О.М. Ляшкевич, А.Ф. Рогалев и др.), большинство таких исследований носит замкнутый характер, что проявляется в малом количестве компаративных работ. Особенно актуальными и в то же время наименее изученными являются проблемы функционирования и взаимодействия различных национальных систем на одной территории в пределах единого антропонимного пространства и во взаимодействующих системах. Приграничье представляет собой зону соединения и интеграции различных социокультурных процессов. Именники приграничных населенных пунктов являются собой богатый материал для исследования. Отличительная черта западных приграничных районов Витебской области: Поставского, Браславского, Мигорского, Верхнедвинского – их лингво-

культурная, конфессиональная и национальная гетерогенность, явившаяся результатом сложного исторического прошлого данного ареала и сделавшая этот регион маргинализированным геокультурным пространством, где нейтрализовались ярко выраженные особенности отдельных культур, а этнонациональные ценности в меньшей степени выступают как устойчивые детерминанты [2, с. 88].

Особенность человеческого миропонимания и мировидения отражается в языковой деятельности. Особо информативной в данном случае выступает номинативная сфера, в которой личные имена становятся репрезентаторами этногенетической части духовной и материальной культуры любого народа и дескриптивными средствами этнонациональных концептуальных установок. В связи с этим исследование антропонимных систем приграничья имеет важное научно-прикладное значение, так как позволяет установить «маргинально-этнический облик людей приграничья» [3, с. 98], уровень их национального сознания, его аутентичность, ценностные ориентиры, а также степени трансформации культурных традиций и культурной диффузии.

Определенное представление о «маргинально-этническом облике» жителей приграничья может дать характеристика антропонимии г. Браслава – древнего города Беларуси (упоминается с IX в. как поселение латгалов и кривичей, ставшее впоследствии ядром города), расположенного в 12 км от государственной границы с Латвией и 45 км – с Литвой.

Цель настоящей работы – сопоставительно-типологический анализ особенностей статистической организации женского именника г. Браслава во второй половине XX в.

Материал и методы. В качестве материала исследования были использованы актовые записи о рождении по г. Браславу, собранные на трех десятилетних хронологических срезах (1951–1960 гг., 1971–1980 гг., 1991–2000 гг.). Предметом

наблюдения и описания явились качественными показателями динамики системы женских имен г. Браслава.

Результаты и их обсуждение. Женский репертуар десятилетия первого контрольного среза (1951–1960 гг.) в г. Браславе содержит **81** антропонимную единицу (включая варианты), которые обслуживает **413** новорожденных девочек. **24** женских имени, согласно СКО (среднему коэффициенту одноименности; величина, являющаяся результатом деления общего числа новорожденных на количество имен конкретного хронологического среза [4, с. 80]) – **5** единиц, являются частыми: *Раиса* (5 носителей), *Надежда* (6), *Вера* (6), *Антонина* (6), *Наталья* (7), *Екатерина* (7), *Алина* (7), *Нина* (9), *Алла* (10), *Лилия* (10), *Тереса* (10), *Анна* (11), *Светлана* (12), *Лариса* (12), *Елена* (14), *Наталья* (14), *Мария* (15), *Ирина* (15), *Тамара* (18), *Татьяна* (20), *Валентина* (23), *Ольга* (24), *Галина* (32), *Людмила* (39). К числу редких относятся антропонимы *Любовь* (4), *Томара* (4), *Зоя* (4), *Зинаида* (4), *Регина* (4), *Леокадия* (3), *Ирена* (3), *Иннеса* (2), *Лидия* (2), *Эльвира* (2), *Доната* (2), *Ала* (2). Однократным использованием в номинативной практике 50-х гг. XX в. характеризуются имена *Циля*, *Джема*, *Геновефа*, *Гелена*, *Галинна*, *Чеслава*, *Виктория*, *Элина*, *Ванда*, *Леонарда*, *Валентина*, *Жанна*, *Арина*, *Эмма*, *Юзефа*, *Аля*, *Альдона*, *Алиция*, *Ядвига*, *Александра*, *Леля*, *Нэлла*, *Оксана*, *Полина*, *Маша*, *Марина*, *Рима*, *Луция*, *Янина*, *Розалия*, *Тересса*, *Ромуальда*, *Елизавета*, *Слова*, *Клавдия*, *София*, *Сталина*, *Ира*, *Идалия*, *Женя*, *Нона*, *Адалина*. Несложно заметить, что большую часть единичных имен (около 30%) представляют антропонимы, нехарактерные для именной системы русских и белорусов. Объяснение этому явлению кроется в экстралингвистических причинах. Значительную часть населения г. Браслава в указанный период составляли представители следующих национальностей: поляков, татар, литовцев, цыган, евреев. В периферийной части женского именника оказались также антропонимы, представляющие собой орфографически неверный вариант записи имени (*Галин*-

на – вместо *Галина*, *Валентина* – вместо *Валентина*, *Нэлла* – вместо *Нелли*, *Тересса* – вместо *Тереса*, *Томара* – вместо *Тамара*).

Сопоставив наши результаты с данными исследования А.М. Мезенко, изучавшей состав и статистическую структуру женского именника г. Витебска в первое послевоенное пятилетие, отметим, что ядерную часть обоих именников формируют одни и те же антропонимы: *Людмила* (в Витебске 1-й ранг, в Браславе – 1-й ранг), *Валентина* (В. – 2-й ранг, Б. – 4-й ранг), *Галина* (В. – 3-й ранг, Б. – 2-й ранг), *Тамара* (В. – 4-й ранг, Б. – 6-й ранг), *Светлана* (В. – 5-й ранг, Б. – 9-й ранг), *Лариса* (В. – 6-й ранг, Б. – 9-й ранг), *Ольга* (В. – 16-й ранг, Б. – 3-й ранг), *Татьяна* (В. – 9-й ранг, Б. – 5-й ранг), *Ирина* (В. – 20-й ранг, Б. – 7-й ранг), *Мария* (В. – 18-й ранг, Б. – 7-й ранг), *Наталья* (В. – 13-й ранг, Б. – 8-й ранг), *Елена* (В. – 19-й ранг, Б. – 8-й ранг), *Анна* (В. – 17-й ранг, Б. – 10-й ранг) [5, с. 113–114].

Показательно, что в первые послевоенные годы сохранилась традиция именования девочек искусственными именами, образованными от имени одного из «вождей» (*Сталина*). Случаи однократного использования данного имени в номинативной практике зафиксированы в Витебске и Браславе.

Статистическая структура антропонимикона 1950-х гг. характеризуется следующими параметрами: первая десятка частых имен охватывает почти 60% новорожденных девочек, популярные имена составляют около 80%.

За период с 1971 по 1980 г. в г. Браславе родилось **676** девочек, которые были наречены **50**-ю различными именами. СКО увеличился более чем в 2,5 раза и стал равен **13,5** единиц.

Количество частых личных имен уменьшилось на 11 единиц и составило **13** антропонимов: *Анна* (14), *Жанна* (20), *Алла* (21), *Инна* (22), *Оксана* (23), *Марина* (26), *Людмила* (37), *Ирина* (39), *Ольга* (47), *Светлана* (50), *Татьяна* (55), *Наталья* (77), *Елена* (93), охватывающих **78%** новорожденных девочек (на долю десяти самых популярных имен приходится

70%). Невысокими фреквентативными показателями характеризуются имена *Мария* (13), *Надежда* (13), *Галина* (13), *Валентина* (10), *Олеся* (10), *Лилия* (9), *Юлия* (9), *Лариса* (7), *Инесса* (7), *Вера* (6), *Антонина* (4), *Ирена* (4), *Екатерина* (3), *Любовь* (3), *Вероника* (3), *Снежана* (3), *Евгения* (2), *Анжелика* (2), *Диана* (2), *Инга* (2). Группа единичных состоит из 15 имен: *Анжела*, *Доната*, *Алина*, *Виктория*, *Нина*, *Юлианна*, *Эмма*, *Элла*, *Тереза*, *Таисия*, *Софья*, *Илона*, *Нелли*, *Мая*, *Агния*.

Незначительные отличия от пятерки самых частых женских имен г. Браслава за 1971–1980-е гг. находим в именниках Витебска (Октябрьский район) 1968–1975-х гг. и Полоцка 1976–1980-х гг. [5, с. 116–118]: *Елена* (в Браславе – 1-й ранг, в Витебске – 1-й ранг, в Полоцке – 3-й ранг), *Наталья* (Б. – 2-й ранг, В. – 4-й ранг, П. – 1-й ранг), *Татьяна* (Б. – 3-й ранг, В. – 2-й ранг, П. – 2-й ранг), *Светлана* (Б. – 4-й ранг, В. – 3-й ранг, П. – 5-й ранг), *Ольга* (Б. – 5-й ранг, В. – 1-й ранг, П. – 4-й ранг).

Наблюдения за изменением ранговых показателей десятки самых высокочастотных женских имен первых двух срезов позволяют выделить группу имен, частотность которых возросла за 10 лет: *Елена* (с 8-го ранга на 1-й); *Наталья* (с 8-го ранга на 2-й); *Татьяна* (с 5-го ранга на 3-й); *Светлана* (с 9-го ранга на 4-й); *Ирина* (с 7-го ранга на 6-й); *Марина* (с 19-го ранга на 8-й); *Оксана* (с 19-го ранга на 9-й); *Инна* (1950-е гг. – отсутствует, 1970-е гг. – 10-й ранг), и группу женских имен, которые утратили популярность: *Ольга* (с 3-го на 5-й ранг); *Людмила* (с 1-го ранга на 7-й); *Анна* (с 10-го ранга на 13-й); *Мария* (с 7-го ранга на 14-й); *Галина* (со 2-го ранга на 16-й); *Валентина* (с 4-го ранга на 18-й); *Лариса* (с 9-го ранга на 22-й); *Тамара* (1950-е гг. – 6-й ранг, 1970-е гг. – отсутствует).

Сопоставив качественную и статистическую стороны женского антропоним

микона первого и второго контрольных срезов, обнаруживаем сильное сужение границ именника и тенденцию к его концентрации.

В 1990-х гг. наблюдается значительное расширение женского антропонимного репертуара г. Браслава, что качественно выражается в снижении уровня СКО с **13,5** до **7,1**. Список личных женских имен сформировался из **80** единиц, которые были использованы для номинации

573 новорожденных девочек. В десятку самых популярных имен вошли *Анастасия* (49 носителей), *Екатерина* (34), *Татьяна* (33), *Ольга* (32), *Юлия* (31), *Виктория* (29), *Анна* (27), *Вероника* (22), *Светлана* (19), *Елена* (18), охватившие **51%** новорожденных. Околоядерное пространство сформировали 13 частых антропонимных единиц: *Ксения* (8), *Яна* (10), *Наталья* (10), *Марина* (10), *Кристина* (10), *Карина* (10), *Елизавета* (11), *Надежда* (12), *Диана* (12), *Александра* (14), *Ирина* (15), *Мария* (15), *Дарья* (16), которые были использованы в номинативной практике в 27% случаев.

К редким на срезе 1990-х гг. относятся **27** женских имен, применяемых для наречения чуть более **10%** новорожденных: *Маргарита* (6), *Валентина* (6), *Евгения* (6), *Олеся* (5), *Валерия* (5), *Оксана* (5), *Снежана* (5), *Полина* (4), *Алёна* (4), *Илона* (4), *Алла* (4), *Наталья* (4), *Анжелика* (4), *Ангелина* (4), *Галина* (3), *Любовь* (3), *Божена* (3), *Влада* (3), *Алина* (2), *Инна* (2), *Ульяна* (2), *Алена* (2), *Инесса* (2), *Виолетта* (2), *Арина* (2), *Лина* (2), *Каролина* (2). Антропонимы *Ариадна*, *Катажина*, *Алеся*, *Альбина*, *Веслава*, *Вирсавия*, *Антонина*, *Милана*, *Янина*, *Эмма*, *Элиза*, *Элеонора*, *Эва*, *Тамара*, *Сабина*, *Рада*, *Николь*, *Даяна*, *Марта*, *Майя*, *Людмила*, *Лилия*, *Лидия*, *Лариса*, *Катерина*, *Ярослава*, *Ирена*, *Инга*, *Инара*, *Нина* отличаются однократным использованием при имянаречении.

Сравнительный анализ состава частых женских имен г. Браслава за 1990-е гг. и г. Витебска за 1990-й г. (обследовался Железнодорожный район) показал качественную схожесть именников. Раз-

¹ В Витебске пятерку популярных женских имен замыкает антропоним Ирина, который занимает 6-й ранг в именниках Браслава и Полоцка.

личия наблюдаются лишь в количественных показателях имен: *Анастасия* (Браслав – 1-й ранг, Витебск – 2-й ранг), *Екатерина* (Б. – 2-й ранг, В. – 1-й ранг), *Татьяна* (Б. – 3-й ранг, В. – 7-й ранг), *Ольга* (Б. – 4-й ранг, В. – 6-й ранг), *Юлия* (Б. – 5-й ранг, В. – 3-й ранг), *Виктория* (Б. – 6-й ранг, В. – 10-й ранг), *Анна* (Б. – 7-й ранг, В. – 4-й ранг), *Вероника* (Б. – 8-й ранг, В. – 15-й ранг), *Светлана* (Б. – 9-й ранг, В. – 16-й ранг), *Елена* (Б. – 10-й ранг, В. – 5-й ранг), *Дарья* (Б. – 11-й ранг, В. – 13-й ранг), *Мария* (Б. – 12-й ранг, В. – 9-й ранг), *Ирина* (Б. – 13-й ранг, В. – 11-й ранг), *Александра* (Б. – 14-й ранг, В. – 17-й ранг), *Надежда* (Б. – 15-й ранг, В. – 19-й ранг), *Кристина* (Б. – 19-й ранг, В. – 12-й ранг), *Марина* (Б. – 20-й ранг, 14-й ранг), *Наталья* (Б. – 21-й ранг, В. – 8-й ранг), *Оксана* (Б. – 19-й ранг, В. – 20-й ранг), что объясняется разной временной продолжительностью контрольных срезов. В г. Браславе к числу частых относятся также имена *Диана* (15-й ранг), *Елизавета* (17-й ранг), *Карина* (18-й ранг), *Яна* (22-й ранг), *Ксения* (23-й ранг), не входящие в группу частых в Витебске.

Общими для именословных подсистем 3-х контрольных срезов являются 23 имени: *Алина, Алла, Анна, Валентина, Виктория, Галина, Екатерина, Елена, Ирена, Ирина, Лариса, Лилия, Любовь, Людмила, Марина, Мария, Надежда, Нина, Оксана, Ольга, Светлана, Татьяна, Эмма*, превалирующее большинство которых формирует антропонимную систему русских и белорусов, за исключением таких единиц, как *Ирена* (зап. *Ирена* – рус. церк. форма *Ирина*), *Эмма* (зап. из др.-герм. Emma).

Из наблюдений за периферийной частью женского именника Браслава на протяжении 30-ти лет следует, что в отдельных случаях на именовании новорожденных ощущается влияние национальности родителей или одного из них, хотя к концу XX в. число случаев наречения «национальными» именами постепенно сокращается: *Алиция* (мать –

полька), *Ала* (оба родителя – евреи), *Леонкадия* (оба – поляки), *Ирена* (оба – поляки), *Леонарда* (мать – полька), *Маша* (оба – евреи), *Регина* (оба – поляки), *Розалия* (оба – евреи), *Слова* (оба – евреи), *Тереса* (оба – поляки), *Циля* (оба – евреи), *Чеслава* (оба – поляки), *Элина* (оба – поляки), *Юзефа* (отец – поляк), *Ядвига* (оба – поляки), *Анджелика* (отец – поляк), *Инга* (отец – литовец), *Инесса* (отец – поляк), *Катажина* (оба – поляки), *Каролина* (отец либо оба – поляки), *Эмма* (оба – поляки, латыши), что, с одной стороны, подчеркивает полинациональный колорит Браславщины¹, а с другой – свидетельствует об ослаблении данной тенденции в условиях расширения именного репертуара 1990-х гг. путем использования в номинативной практике новых антропонимных единиц. Сопоставив результаты нашего исследования с данными Г.Н. Питкевич (Даугавпилс, Латвия), которая изучала функционирование русских личных имен в латышском дискурсе и латышских антропонимов в русском дискурсе в Латгалии – восточном регионе Латвии, исторически представляющем собой близкий этноязыковой ареал и на современном этапе характеризующемся «мультикультурной, мультиязыковой и мультиконфессиональной» [7, с. 234] ситуацией, приходим к выводу, что в данных смежных приграничных регионах представители различных этнических групп при номинации нередко используют антропонимные ресурсы своих национальных систем и детям присваиваются только те имена, которые осознаются как «свои».

В целом репертуар женской подсистемы именника конца XX в. обновился на 58,75% по сравнению с антропонимиком 1950-х гг. Его трансформации способствовали: широкий спектр вариантов и форм личных имен, все чаще используемых при регистрации новорожденных (*Елена – Алена – Алёна; Екатерина –*

¹ По данным за 2004 г., в г. Браславе проживают 55% белорусов, 25% поляков, 17% русских, около 3% других национальностей: украинцев, литовцев, татар, цыган [6, с. 4].

Катерина; Инна – Инесса; Лина (сокр. к *Магдалина, Каролина, Ангелина*); *Наталья – Наталья; Олеся – Алеся, Яна – Янина; Бажена – Божена*); увеличение набора женских имен, производных от мужских (*Влада, Валерия, Веслава, Евгения, Ярослава*); возрастание популярности старых церковных имен и их форм (*Антонина, Дарья, Маргарита*); оживление славянских имен (*Милана, Рада*). Возросло число номинативных единиц, характерных для английской, итальянской, французской и других антропонимных систем (*Ариадна, Виолетта, Даяна, Диана, Карина, Кристина, Марта, Николь, Сабина, Эва, Элеонора, Элиза*), что может являться результатом влияния глобализации на номинативную сферу в условиях усиленного общественного интереса к западной культуре.

В качестве антропонимных ресурсов выступают, главным образом, русский, польский, татарский и латышский именники. Активное использование именных систем народов-соседей во многом обусловлено обширностью именного репертуара смежных стран и дуализмом культурной и государственной границы. Так, по данным ономастолога О. Буша, в 1997 г. 6000 новорожденных латышских девочек получили около 600 разных имен, то есть каждая десятая девочка имеет неповторяющееся имя [8, с. 165].

Заключение. Подводя итоги исследования развития женского антропонимикона г. Браслава на протяжении трех десятилетий, отметим, что в совокупности он включает 136 антропонимных единиц. Активная ротация имен ядра осуществляется в пределах традиционного ономастикона белорусов. Значительные различия в ядерной части наблюдаются в 1990-х гг., в то время как ядра именников 1950-х и 1970-х гг. качественно более схожи. Расширение границ именника обеспечивается номинативными единицами антропонимиконов соседних народов (латышей, литовцев, поляков), что обуславливается дуализмом границы, хотя в конце XX в. роль национальной принадлежности ро-

дителей в вопросах номинативной селекции ослабевает.

Региональная специфика женской подсистемы именника г. Браслава второй половины XX в. отражена в периферийной ее части, где зафиксированы значительные вкрапления номинативных единиц, характерных для польской, латышской, еврейской и других антропонимных систем.

Литература

1. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по международной коммуникации / Ю.А. Рылов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 311 с.
2. Печенко, М.Ф. Диалог культур в приграничье / М.Ф. Печенко // Приграничное и региональное сотрудничество: новые задачи и пути их решения. Тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 3–4 дек. 1998 г. – Витебск: ВГУ, 1998. – С. 87–89.
3. Слемнев, М.А. Белорусско-российское приграничье как объект комплексного научного исследования / М.А. Слемнев // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – С. 97–99.
4. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
5. Мезенко, А.М. Современный именник белорусов: состав, статистическая структура, особенности изменения / А.М. Мезенко // Русский язык и литература. – 1999. – № 5. – С. 111–123.
6. Браслав: Телефонный справочник по состоянию на 1 февраля 2004 г. / сост.: С.А. Горбунов, В.И. Ковалевский. – Барановичи: «РУПП Баранов. укруп. тип.», 2004. – 184 с.
7. Питкевич, Г.Н. Структура русских неофициальных личных имен в Латгалии / Г.Н. Питкевич // Лексикология и лексикография славянских языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/sections/?secid=3> – Дата доступа: 15.09.2011.
8. Bušs, O. Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpieni / O. Bušs. – Rīga:

LU Latviešu valodas institūts, 2003. – 310
р.

Поступила в редакцию 14.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.